

Шань Шубай во сне сморщил нос — знакомый аромат кедра с нотками полыни едва уловимо витал у изголовья, словно Шэ Шицин только что был здесь.

Еще пахло дубом и фундуком.

Это был запах Шэ Шицина — древесный аромат, в котором холод льда и снега сменялся теплом растертых орехов, глубокий и многогранный.

Он спросонья потянулся рукой, но нащупал лишь холодный край одеяла.

— Брат?..

— Брат!

Он резко открыл глаза. Утренний свет пробивался сквозь жалюзи, отбрасывая на стены полосатые тени.

Шань Шубай, словно чуткий зверек, повел носом и убедился: он действительно чувствует запах Шэ Шицина.

Новый телефон на прикроватной тумбочке внезапно загорелся, на экране блокировки высветились три сообщения:

Брат?: Проснулся?

Брат?: Я привез тебе пельмени с крабовым мясом.

Брат?: Жду тебя внизу.

Шань Шубай подскочил, как пружина, и, даже не заметив, что надел тапочки не на ту ногу, помчался в ванную.

Зубная щетка быстро двигалась во рту, и только когда он плеснул на лицо холодной водой, понял, что все еще в пижаме.

Он в растерянности закрутился на месте, но в итоге решил бежать вниз — в конце концов, брат не станет упрекать его за неряшливость!

— Брат!

Звонкий голос прорезал застывший воздух гостиной.

Шань Шубай замер у лестницы. Пуговицы на пижаме застегнуты вкривь и вкось, на макушке торчит вихор.

Стоило ему увидеть, как Шэ Шицин обернулся, его лицо просияло, точно звезда, внезапно вспыхнувшая в ночном небе.

На лице Шэ Шицина еще не успел растаять холод улицы.

Он поднялся навстречу, и стоило ему раскрыть объятия, как от него повеяло теплом, словно от зимнего камина.

Шань Шубай преодолел последние ступеньки в два прыжка и едва не споткнулся о собственные штанины, но Шэ Шицин, словно ожидавший этого, крепко подхватил его.

— Тише, — Шэ Шицин одной рукой придержал его за поясницу, а другой стер с уголка губ зубную пасту. — Пельмени никуда не убегут.

Газета в руках Отца Шэ с хрустом смялась, на лице Матери Шэ застыла притворная улыбка.

А Шань Шубай, ничего не замечая, принялся тереться щекой о плечо Шэ Шицина:

— Я почувствовал твой запах! — Его глаза сияли. — Ты заходил ко мне в комнату?

Шэ Шицин сглотнул, бросив взгляд на посиневших от злости родителей Шэ:

— Иди переодейся, — он похлопал Шань Шубая по спине. — Представление с пингвинами в океанариуме начинается в половине одиннадцатого.

Только теперь Шань Шубай заметил тяжелую атмосферу в гостиной.

Он втянул голову в плечи и быстро побежал наверх, но на повороте вдруг обернулся:

— Брат, жди меня!

— Угу.

Шэ Шицин смотрел, как он скрылся в коридоре, и когда он снова обернулся к родителям, его взгляд стал ледяным.

Мать Шэ только открыла рот, как ее прервал кашель Шэнь Яньчу.

Ну и где же их чутье? Неужели не видно, что собеседник только что был в хорошем настроении, а они сейчас все испортят?

На обеденном столе дымились пельмени с крабовым мясом.

Шэ Шицин неторопливо поправлял манжеты, словно недавняя нежность была лишь галлюцинацией.

Картина на чердаке, камера наблюдения в кладовке, спрятанные документы о трасте — все ниточки в его голове сложились в единую сеть.

Сверху доносилось веселое напевание: Шань Шубай явно выбирал самый красивый наряд.

Шэ Шицин посмотрел в окно — утренний туман рассеивался.

Его маленькая роза наконец-то покинет это болото, пожирающее людей.

Когда Шань Шубай, одетый в светло-голубую рубашку в полоску и бежевые брюки, спустился по лестнице, пританцовывая, Шэ Шицин ждал его у входа.

Мужчина сегодня намеренно отказался от строгого костюма, надев темно-синюю футболку и белые брюки — они с Шань Шубаем выглядели так, будто специально оделись в одном стиле.

— Брат, ты сегодня такой красивый! — Глаза Шань Шубая сияли, а пальцы бессознательно теребили край рубашки.

Эта новая одежда, сохранившая мягкость после сушки на солнце, была самой дорогой вещью, которую он когда-либо носил.

Шэ Шицин протянул руку и смахнул несуществующую складку с его воротника:

— И в подметки не годится нашему Шубаю.

Голос его звучал достаточно громко, чтобы родители Шэ в гостиной все услышали.

В тот момент, когда захлопнулась дверца машины, в особняке семьи Шэ раздался звон разбитого фарфора.

— Бесстыдство! Какое бесстыдство! — Жемчужное ожерелье на шее Матери Шэ порвалось от резкого движения, и бусины посыпались на пол, как рассыпавшееся достоинство хозяйки. — Этот выродок посмел...

Отец Шэ с размаху пнул журнальный столик:

— Что это значит?! Шэ Шицин решил, что семью Шэ можно безнаказанно унижать?

Шэнь Яньчу молча закрыл входную дверь, оставив истерические проклятия за спиной.

Солнечный свет, проходя сквозь витражи, ложился на его лицо искаженными цветными пятнами, словно маска, которую он был вынужден носить все эти годы.

— Что вы, в конце концов... — он обернулся, и голос его звучал пугающе холодно, — что вы сделали с дядей и тетей?

Так мертвой хваткой вцепиться в Шань Шубая — что за этим скрывается?

Рыдания Матери Шэ внезапно оборвались.

Она на мгновение растерялась, но тут же взяла себя в руки и продолжила негодовать.

Отец Шэ уже успокоился и сидел молча.

Шэнь Яньчу закрыл глаза, чувствуя невыносимую тяжесть.

Все прогнило до основания.

Шэнь Яньчу закурил, глядя на искаженное лицо матери, и подумал:

Надо было показать Шань Шубаю, как на самом деле выглядит семья Шэ.

Тем временем на заднем сиденье Майбаха Шань Шубай прильнул к окну:

— Брат, смотри! Облако похоже на... — когда он обернулся, кончик его носа коснулся подбородка Шэ Шицина, оставив капельку растаявшего сливочного крема.

Это было мороженое, которое Шэ Шицин купил ему, когда выходил из машины.

Шэ Шицин не стал его стирать, позволяя сладости таять на коже:

— Впервые в океанариуме?

— Угу! — Шань Шубай энергично закивал. — Раньше я видел пингвинов только по телевизору...

— Он вдруг понизил голос. — На самом деле я тайком рисовал много морских обитателей.

Шэ Шицин вспомнил те рисунки на чердаке — в углу эскиза с косаткой было написано: надеюсь, когда-нибудь увижу их вживую.

Он невозмутимо взял Шань Шубая за руку и успокаивающе сжал ее:

— Сегодня увидишь белуху.

От прикосновения ладоней у Шань Шубая покраснели уши.

Это осознание заставило сердце Шэ Шицина переполниться нежностью — его маленькая роза училась расцветать.

Когда машина проезжала по морскому мосту, Шань Шубай тихо спросил:

— Брат, почему ты так добр ко мне?

Недоумение тяжелой грозовой тучей давило на дыхание.

Тепло, которое он получал, в его глазах превратилось в неразрешимый шифр.

Почему? За что?

Этот вопрос отражался в груди, превращаясь в мелкие стеклянные осколки, которые с каждым ударом сердца вонзались все глубже в плоть.

Он давно привык клеймить себя словами вроде «нежеланный» или «надоедливый», словно наклеивал пожелтевшие ярлыки на старые книги.

Когда доброта внезапно навещала его, он рефлекторно искал ценник, но находил лишь пустоту.

Такое бескорыстие заставляло Шань Шубая нервничать, будто он принял дар неизвестного происхождения, за которым в любой момент могут явиться кредиторы.

Солнечный свет через люк падал на их сцепленные руки.

Шэ Шицин смотрел на сверкающую морскую гладь, вспоминая себя на том рисунке, окруженного светлячками.

— Потому что... — он слегка сжал кончики пальцев Шань Шубая, — ты достоин всего самого прекрасного.

Если бы Шэ Шицин мог заглянуть в его душу, он бы обязательно поцеловал его в глаза и сказал:

Некоторые вещи существуют просто так, без всяких причин.

Подобно тому, как утренняя роса не спрашивает солнце, почему оно ее испаряет, а перелетные птицы не сомневаются в зове юга.

Шэ Шицин хочет быть добрым к Шань Шубаю не ради чего-то.

Ты упрямо требуешь инструкцию к каждому проявлению нежности, забывая, что лунный свет, озаряя сточную канаву, никогда не ждет награды.

Истинная доброта, текущая к тебе, часто рождается в те мгновения, которые сам дающий даже не осознает.

Может, потому, что твой взгляд вдруг напомнил кому-то упрямый весенний росток, а может, твой молчаливый силуэт в точности совпал с каким-то забытым сном.

Ты слишком долго запирали себя в клетке, где ты «недостойн», так долго, что даже железные прутья вросли в твою плоть.

Но, милый мой, ценность никогда не была продуктом самосуда. Лес не отказывается от корней опавших листьев, а океан не брезгует впадающими в него ручьями.

Позволить себе быть любимым — возможно, это самый смелый поступок, на который ты сейчас способен.

К сожалению, их души пока не говорили на одном языке.

Сомнения не были развеяны.

Любовь не была до конца передана.

В зеркале заднего вида особняк семьи Шэ давно исчез из поля зрения.

А впереди, отражая блики воды, сиял лазурный купол океанариума.

Навстречу утреннему солнцу, навстречу свободе и любви.

<http://bllate.org/book/20752/2080750>